

Глава 25. Достижение шестнадцати.

Стояла самая холодная пора года — темнело уже в два часа дня, морозный туман давил на плечи, прохожие находили дорогу ошупью.

Пропустив Саргылану вперёд (та догадливо нырнула в туман), Майя крепко взяла Аласова под руку и спросила без обиняков:

— А теперь скажи — что с тобой, какая беда?

— Никакой беды. Даже напротив... Слыхала новость: пятнадцать моих ребят хотят остаться в колхозе?

— Это понятно. Но не потому же у молодца широкая спина сузилась?.. Какие ещё новости?

— У Кылбанова в гостях побывал... Майя, а он ведь псих!

— Открыл Америку. И чего тебя понесло? К Кылбанову родная сестра и та лишний раз не заглянет!

— В другой раз и я не пойду! Но результат определённо есть: теперь я твёрдо знаю, что в школе с процентами нечисто. Надо бить во все колокола.

— Думаешь, это тебе сойдёт с рук?

— Знаю, предупреждён. Правда, пока по-дружески. Но что делать? Разве ты скажешь мне: не лезь, не суйся? Что молчишь?

— Не знаю я, Серёженька. Право, не знаю...

— Дурацкий у нас разговор: «Не знаю, не знаю»... Любимая поговорочка перестраховщиков!

Она остановилась, взяла его за отвороты полушубка и притянула к себе:

— Боюсь я за тебя, Серёжа. Если с тобой что случится, если снова я одна...

— Майка!

Но она и сама испугалась сказанного, оттолкнула его, оступилась в сугроб.

На афише перед клубом была нарисована толстощёкая девица, рот её был так широко разинут, что в него можно было бы всыпать добрый мешок картошки. Под этим ртом крупными буквами (крупнее названия фильма) извещалось, что «дети до 16 лет не допускаются».

Зал колхозного клубика, неудобный, с унылыми скамьями и побуревшими от времени плакатами на стенах, оживляла лишь сверкающая в электрическом свете пышная бахрома изморози — здание насквозь промёрзало по углам. Пар из многих ртов сливался под потолком в облако.

Клуб был полон. Сошлись сюда едва ли не все арылаховцы, достигшие заветных шестнадцати лет: семейные пары, старшеклассники, старушки, кое-кто из учителей, колхозные правленцы. К Саргылане присоединился Евсей Сектяев, и они затараторили, словно нарочно, чтобы оттенить хмуро сидящих рядом Сергея и Майю.

Началась музыкальная комедия. Показывали каких-то ярко одетых колхозников, которые беспрестанно пели частушки и хохотали. Все они куда-то мчались на мотоциклах и в сверкающих «Москвичах», а также обильно ели. В цветном изображении блюда выглядели эффектно, помидоры и окорока лежали будто живые.

Майя быстро потеряла нить сюжета, задумалась о своём.

Сама не поняла, как это вырвалось у неё: «Если что с тобой случится». Сказала — и перепугалась. Сама себя не поймёшь, а где уж Сергею! Вот, наверно, думает — какая-то полусумасшедшая бабёнка. Недаром он в сердцах только что прикрикнул на неё: перестраховщица! Перестраховщица я и есть.

На экране в перерывах между плясками и частушками колхозники успели добиться всех трудовых побед, после чего пиршества пошли у них ещё более изобильные, столы на экране буквально прогибались под тяжестью всевозможной красочной снеди. Вкушали они теперь в беломраморном колхозном Дворце культуры, выросшем у зрителей на глазах.

Майя хотела было попросить Сергея: не достаточно ли этой комедии. Но вовремя одёрнула себя. Кто тебе велел являться в кино в таком настроении! Саргылана и Евсей, например, воспринимают пиршества с явным интересом, даже время от времени чему-то смеются. Да и Аласов тоже не отрывает глаз от экрана. Кто знает, может, там, в тёплых краях, колхозная жизнь такая и есть, покорно подумала Майя. И в эту минуту она ощутила его пальцы.

Майя покосилась на Аласова. Он всё так же смотрел перед собой. Майя закусил губу, но не убрала руки. Так они сидели, не глядя друг на друга, в темноте перед мелькающим и ревущим разноцветным экраном.

«Да?» — спрашивала его рука.

«Да! Да!!»

И тут она почувствовала на себе чей-то посторонний взгляд. На скамье перед ними, чуть влево, сидела Надежда Пестрякова. Она глядела на них, на их сомкнутые руки. В свете кинопроектора Майя увидела её лицо, отдернула руку. Непонятно, когда Надежда появилась в клубе, почему она одна? И как долго наблюдает за ними? Милое, сокровенное, её рука в его руке, а у этого сокровенного был, оказывается, соглядатай!

Фильм закончился, дали свет. Зал шумно поднялся, загомонил, задымил. Предполагались ещё танцы. Саргылана что-то оживлённо говорила Майе. У выхода, прислонясь к стене, стояла Надежда.

За всю дорогу домой они не проронили двух слов. У порога Майя торопливо пожала ему руку: «До завтра, Серёжа». Он посмотрел на неё долгим взглядом, сказал бесцветно: «До завтра», — и быстро ушёл. Скрип шагов его замирал в тумане.

— Сергей! — крикнула она и кинулась следом. Догнала, уткнулась лицом ему в полушубок. Он обнял её за плечи, и они долго стояли так, не двигаясь.

— Май-я!

— Да, Серёжа.

— Ах ты, Майка!

— Что, Серёжа?

Она подняла лицо и, оттолкнув его, побежала.

Дышать было нечем. Казалось, туман, эта сгущённая зимняя стужа, набивается в рот. Но Надежда шагала и шагала, боясь остановиться — по сугробам, по острым снежным заступам. Она видела всё: как они сидели в кино, рука в руке, как выходили из клуба. Как Сергей вёл Майю под локоть и какие у него при этом были глаза — в них всё читалось! Не оставалось ни сомнений, ни самой крохотной надежды. Всё, что она передумала, что носила в себе, было ложью! Любви его захотела? Как бы не так!

Это был конец. Было так же, как много лет назад, — клуб, поздний сеанс, рука в руке, стужа на улице, сугробы... Только на этот раз с ним была не она. И ушёл он из кино не с ней, не с Надеждой, — с другой. Их, тесно прижавшихся друг к другу, поглотил сизый туман.

«Серый камень, серый камень, серый камень пять пудов...» К её дому пошли! Майечка Унарова, подружка юности. Подколотная змея...

Надежда выпытывала о письмах у почтальонши, не осталась ли у Аласова любовь в других местах. Ревновала его к разбитной Стёпе. Обрадовалась, когда поняла, что опасности нет — Стёпа, после того как выкупалась в ледяной проруби, словно навсегда остудила свой пыл. О Майе же думала меньше всего — эта богом обиженная старая дева, какая она соперница! Обман! Обвели вокруг пальца!

Дома, ни слова не сказав мужу, как была в шубе, следя снегом по чистым коврикам на полу, она прошла к гардеробу, открыла нижний ящик, извлекла фотокарточку, где была снята с Сергеем, не взглянув, твёрдой рукой разорвала надвое, на мелкие кусочки, перемешала их, перетёрла меж ладонями, открыла дверцу печи и швырнула бумажную труху. И успокоилась.

В тёплой пижаме, пригревшись в уюте, Тимир Иванович под зелёной настольной лампой читал газеты — целый ворох перед ним на столе. Обернувшись, он молча глянул из-под очков на озабоченную жену и опять углубился в чтение. В последнее время у него была такая жизнь, когда нужно было ко всему привыкать, ко всему быть готовым.

Жена ещё долго ходила за спиной, переодевалась, что-то шумно роняла, бормотала про себя — он стоически глядел в газету.

Но вот шаги её замерли за спиной. Тимир Иванович невольно вобрал голову в плечи.

И вдруг горячие руки жены обвилились вокруг его шеи. Ничего ещё не понимая и не желая понимать, он бережно разнял обнимавшие его руки, стал их целовать.

— Тим, прости меня.

— И ты меня, — с благодарностью ответил он, не поднимая глаз.

Полная грудь её упиралась ему в плечо.

— А Лиру мы им в колхоз не отдадим, — сказала она, и он согласно кивнул.

Неожиданно, сильным движением он обнял её за талию и привлёк к себе на колени. Смеясь, она по-девчоночьи заболтала в воздухе ногами...

Среди ночи Тимир Иванович проснулся от стога.

— Надюшка, проснись! Что с тобой, голубушка? Болит что? — Он зажёт свет, потрогал её лоб. — Да у тебя температура!

— Нет... ничего. Горло только...

Он кинулся к аптечке, принёс стакан воды.

— Норсульфазол... И аспирин ещё.

Не успокоившись на этом, Тимир через некоторое время возвратился из кухни с тряпочкой, в которой была завернута тёплая зола.

— Вот приложи к горлу, где болит. Ты, честное слово, как ребёнок малый, недоглядишь, и пожалуйста. Крошка ты моя!

С трудом шевеля губами, она прошептала:

— Тима... склонись поближе...

Он склонился, сколько было возможно.

— Послушай, Тима, а нельзя ли этого Аласова... в какую другую школу?

Он даже отпрянул от неожиданности!

— Выгнать? Аласова?

Но тут же взял себя в руки.

— В другую школу его... Пока он здесь, жизни не будет. Прошу... для меня сделай.

И голос его прозвучал клятвенно:

— Сделаю всё, что просишь. Всё!